

Фантастические миры

Константин Калбазов

БУЛЬДОГ

Хватка

Бульдог

Константин Калбазов

Бульдог. Хватка

«Автор»

2014

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Калбазов К. Г.

Бульдог. Хватка / К. Г. Калбазов — «Автор», 2014 — (Бульдог)

ISBN 978-5-9922-2108-4

Позади восемнадцать лет мира, за которые Россия успела сделать рывок в развитии и занять лидирующее положение во многих областях. Постепенно, исподволь русские товары захватывают рынки сбыта, купцы проникают все дальше и дальше за океан, осваивают Дальний Восток, северное и западное побережье Америки. Звучит обнадеживающе? Да нет. Не все так гладко. Далеко не все русские купцы отваживаются покинуть Балтийское или Черное море, за пределами которых на них охотятся все кому не лень. Это удел лишь немногих. Россия все так же почитается европейскими державами как дикая Московия, которую все хотят использовать в своих целях. А тут еще и Европа уподобилась котлу с адским варевом, готовым вот-вот выплеснуться через край. И похоже, что этой свары никак не избежать. А ведь еще нужно соблюсти интересы своей державы... Н-да, все это прибавит головной боли императору Петру Второму, за которым уже начало закрепляться прозвище Бульдог, и его верному соратнику, незримому ни для кого, кроме самого императора, нашему современнику Сергею Бурову.

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2108-4

© Калбазов К. Г., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Константин Калбазов

Бульдог. Хватка

Глава 1 «Чайка»

– Господин капитан! – Высокий крепкий мужчина в офицерском мундире Добровольческого флота, с обветренным и загорелым лицом, вытянулся во фронт и привычно вскинул руку к обрезу фуражки в воинском приветствии.

Кстати, нигде, кроме российской армии и флота, ничего подобного не было. Все приветствовали друг друга снятием головного убора и поклоном. Данный жест сравнительно недавно привнес российский император Петр Алексеевич. Никто особо не интересовался у него, откуда он это взял. Повелел, и ладно. Все дружно взяли под козырек.

Это выражение укоренилось среди российских военных с введением новой формы. И армейские кепи, и морские фуражки имели этот самый лакированный кожаный козырек, под стык которого с околышем и ложился указательный палец раскрытой ладони. Отсюда и «брат под козырек».

Рулевой скосил взгляд на старшего помощника и даже не подумал пошевелиться. Его дело вахта и курс, с остальным пусть разбираются господа офицеры. Разве только вот так, слегка нарочито, взглянуть на нактоуз, проверяя верность курса. Хм. Судно начало слегка отклоняться в сторону. Получается, он и не выделяется вовсе. Слегка повернуть, тут главное не переусердствовать. Впрочем, ему ли этого не знать, чай, четверть века на кораблях провел да половину из них штурвал ворочал.

– Вольно, Виктор Юрьевич. Ну что тут у нас? – поинтересовался капитан, козырнув в ответ.

– На рассвете, три часа назад, марсовый заметил паруса. Сейчас их уже видно с палубы. Я прикинул его курс. По всему выходит, идет нам на пересечку.

– Я вижу, вы убавили парусов.

– Так точно. Следуя вашим указаниям, замедлил ход. Правда, он и без того изрядный. Одиннадцать узлов. Павел Иванович, может, еще чуть убавить парусов?

– Не стоит, – с задумчивым видом рассматривая в подзорную трубу неизвестный корабль, маячащий на горизонте, возразил капитан. – Это может показаться слишком уж нарочитым. И потом, мы и без того в проигрыше. Какая была скорость до обнаружения неизвестного?

– Шестнадцать узлов.

– Угу. Получается, мы уже недобираем почитай пятнадцать миль. Между прочим, дневной переход для царицы полей. Пусть уж потрудится да погоняется за нами.

– А если это честный купец?

– Для честного купца он слишком уж ходко идет, – возразил капитан, ловя на себе ироничный взгляд помощника и рулевого.

Последний всячески старался остаться незамеченным, но тщетно. Впрочем, прихватывать его на горячем никто не стал. Не до того капитану. И потом, матросам небольшая вольность вовсе не помешает. Тем более в этой тщательно скрываемой выходке не было никакой угрозы для устоев железной дисциплины. Скорее уж гордость за судно, которое повинует его воле.

А гордиться здесь было чем. Корабли Добровольческого флота не могли не привлекать к себе внимания. Все началось семь лет назад, когда инженер-корабел, один из саглиновских

птенцов, представил на суд императора чертежи и расчеты своего судна. Именно что расчеты, а не прикидки. Шутка сказать, на иноземных верфях до сих пор строят, ладя на глазок и проводя большие измерения шагами. Благо на российских подобное уж лет двадцать как изжито.

И кстати, благодаря этому да еще и строгой стандартизации при постройке серий кораблей удалось в сжатые сроки построить Черноморский флот и в значительной степени обновить Балтийский. Правда, русский флот пополнялся только фрегатами да шлюпами, которые на верфях строят словно горячие пирожки выпекают. С момента закладки и до ввода корабля в строй проходит едва полгода.

Дай волю верфям, так они понастроят столько судов, что казна вконец разорится. Впрочем, они все одно не простаивают, потому как потянулись иноземцы заказывать постройку судов, по большей части торговых. Благодаря тому что Петр широко вводил механизацию многих операций и в работе со стандартными деталями, строить на русских верфях стало дешевле, да и качество постройки ничуть не уступит даже английским верфям.

В России вообще машины внедрялись как-то легко, и если имело место промедление, то связано это было только с нехваткой квалифицированных кадров. Чего не скажешь о европейских державах, где сторонникам механизации приходилось ломать вековые устои производства и преодолевать сопротивление ремесленных цехов.

Однако, несмотря на успехи и относительную дешевизну постройки, Петр не больно-то балует верфи казенными заказами. Строит только фрегаты и шлюпы, да и тех не столь уж изрядно. Про линейные корабли и вовсе не вспоминает. Разве только содержали в порядке доживающие свой век шестидесятипушечные корабли. Кстати, теперь из этих старичков, построенных из сырого леса, не сохранилось ни одного. Все разобрали.

Морские державы потешались над Петром. Но... как оказалось, поспешили. Шведская авантюра (сейчас ту войну называли именно так либо еще инцидентом) показала, что русский флот даже в отсутствие линейных кораблей является достаточно серьезным аргументом, с которым на Балтике следует считаться.

Впрочем, чуть дальше от границ России, в Северном и Средиземном морях, с русскими уже не считались. Сил у российского флота для защиты интересов русского торгового флага пока было явно маловато. Хм. Или император не спешил ввязываться в серьезное противостояние, хотя это и шло вразрез с интересами государства. Петр положил много сил, чтобы вывести русских купцов на морскую торговлю. И та вроде как ожила. Во всяком случае, на Черном море, Каспии и Балтике. Но дальше...

Дальше нужна была сила, с которой бы считались другие государства. Ведь доходило до абсурда. Если от морских разбойничков купцы еще худо-бедно отбиться могли, то военным кораблям им противопоставить было нечего. Вот так какой-нибудь английский или иной фрегат возьмет купца в оборот по самому что ни на есть надуманному поводу, и вся просвещенная Европа считает это правильным.

Ну чисто дети, забравшиеся в воду и дергающие за нос не умеющего плавать мишку. Нашли же себе потеху. Интересно, они хотят насладиться зрелищем того, как Петр будет метаться по берегу в бесплотных попытках призвать их к ответу? Вряд ли, конечно. Скорее уж ожидают, что он бросится строить линейный флот, расходуя на это далеко не бездонную казну. Или надеются на то, что Россия так и останется в своих четырех лужах. Ведь даже путь с архангельской верфи сопряжен с опасностью. Потому корабли оттуда идут только конвоем, причем под охраной эскадры с Балтики.

И в ответ на все это Петр молчит. Нет, дипломаты конечно же выражали протесты и пытались урегулировать противоречия, заступиться за купцов. Но сам император хранил молчание, выплачивая купцам из казны страховые взносы. А иноземцы еще больше ярятся.

В подобной ситуации боязнь купцов перед морем не могли развеять никакие страховые выплаты. Не ради же страховки затевается торговое предприятие, а для получения выгоды.

А так только нервы свои измотаешь, в лучшем случае оставшись при своих. А то и вовсе в убытке...

Так вот, молчать-то Петр молчал, но все же ответил Европе. Правда, расслышать его никто не смог. Шесть лет назад на таганрогской верфи со стапелей сошел первый корабль серии, весьма необычной постройки. Необычной в том смысле, что никто и нигде так не строил.

Бог с ним, с практически полным отсутствием надстроек. Благо русские строили так корабли еще с Крымской войны. Но в остальном... Общепринятой пропорцией корабля считалось соотношение длины к ширине, как три или четыре к одному. Спущенный же корабль имел соотношение шесть к одному.

Создателю этого судна пришлось приложить немало усилий, чтобы его детище уверенно заскользило по волнам. Именно по его настоянию в Саглино появился опытный бассейн, по глади которого скользили модели кораблей, выполненные в строгой пропорции. Здесь могли смоделировать практически любую погоду, от полного штиля до урагана, со вздымающимися волнами.

Конечно, задумка со всеми приспособлениями оказалась достаточно дорогой. Одни только вентиляторы с редукторными коробками для имитации ветра различной силы чего стоили. Ведь для их привода пришлось использовать отдельную паровую машину. Потом весла для поднятия в бассейне волнения, с которым предстояло вступить в единоборство заботливо изготовленным моделям кораблей.

Но, с другой стороны, только одно проектирование нового корабля уже с лихвой оправдывало эти вложения. А ведь никто и не думал останавливаться на достигнутом. И потом, находя ответы на многие вопросы в безопасном бассейне, казна не только сэкономила деньги, но и сберегала далеко не бездонные людские ресурсы...

Новый корабль получился непохожим на все строившиеся ранее. Так, русские корабельщики отказались от пузатых бортов, сужающихся кверху, в форме эдакой луковицы. Вместо этого их новое судно в поперечном сечении подводной части скорее напоминало треугольник. Изменилась и форма носа корабля, получившая острые очертания, из-за чего корабль теперь не толкал перед собой бурун, а пластал водную гладь. Вкупе с более высокими мачтами и увеличенным парусным вооружением новый корабль развивал скорость до семнадцати узлов.

Казалось бы, с введением этих новшеств и получив преимущество в скорости, корабль непременно проиграет в остойчивости. Да он был просто обязан перевернуться при первом же более или менее сильном порыве ветра. Но благодаря тщательно высчитанному балласту русские корабли неизменно выправлялись. К тому же более высокие борта улучшали мореходность.

Произвело ли появление этого судна фурор? Вовсе нет. И немалую роль в предвзятом отношении к новинке играл именно балласт. Дело в том, что существовавшие на данный момент типы судов, при схожих размерениях с русским, уже имели трюмы большего объема, за счет формы корпуса. А тут помимо этого немалую часть объема трюмов пришлось уступить под все тот же балласт, который, собственно, и обеспечивал остойчивость. Так что по объему трюмов русский корабль проигрывал тому же галеону не менее чем вдвое.

Выигрыш в скорости? Допустим. Но ведь не вдвое же. Хотя да, такое судно способно уйти от преследования. Чего еще ждать от русских. Но опять же это вероятно при наличии хорошей команды и знающего капитана. Погоня в море, и уж тем более в океане, может длиться несколько суток, и тут уж возможно все.

Так что никакого ажиотажа вокруг этого корабля, названного «Буревестником», не было. Что же до иностранцев, то они конечно же не могли не выказывать своего восхищения кораблем, проявляющим столь высокие мореходные качества. Но при этом, даже заказывая корабли на русских верфях, выбирали старые и проверенные модели, отдавая предпочтение только стоимости постройки.

Год ходовых испытаний, с выходом в открытый океан. За это время новое судно успело сбегать в Вест-Индию и вернуться обратно. Не обошлось без недостатков, которые были учтены при закладке серии. Но в целом корабль показал себя с положительной стороны. А главное, без заходов в европейские порты, что было вполне возможно, «Буревестник» преодолевал расстояние от Петербурга до Ямайки всего лишь за месяц. Тогда как обычно это расстояние не покрывалось меньше чем за два месяца.

После ходовых испытаний и устранения недостатков на трех верфях – кронштадтской, архангельской и таганрогской – было заложено сразу три корабля-близнеца, названные государем клиперами. Одновременно император объявил о формировании Добровольческого флота. Признаться, это его действие вызвало у морских держав снисходительную улыбку.

Все выглядело очень похожим на то, как действовал еще Петр Первый. Если он не находил того, кто был готов взяться за то или иное предприятие, то начинал его за казенный счет. Уже потом, к налаженному делу, пусть и не всегда на должном уровне, он приставлял охотника. Разумеется, если таковой находился. Между прочим, так в свое время поднялись знаменитые на весь мир Демидовы. Именно с казенного заводика в Невьянске, которому никак не могли дать ума казенные управляющие, началась их уральская империя.

С введением служебного ценза в России некоторые моряки остались не у дел. А специалистами они были хорошими, хотя их опыт зачастую и ограничивался Балтийским и Черным морями. Моряки же это особая каста. Настоящим моряком можно стать, только заболев морем. Попробуй такого посадить на поместье или поставить за плуг. Он же больной на всю голову, какая, к ляду, пашня.

Вводя ценз на флоте, Петр рассчитывал на то, что отставники будут поступать на службу к купцам. Но потребности тех в морях ввиду указанных выше причин были куда скромнее, чем предложение. Вот и решил Петр строить наполовину казенный торговый флот.

Идея была проста. Отставной офицер, не дослужившийся на флоте до капитана (все же кораблей было куда меньше, чем способных моряков), получал возможность не просто командовать кораблем, но и стать его владельцем. Казна за свой счет строила судно и передавала капитану. Получив корабль в свое распоряжение, тот вел дела на свое усмотрение.

Правда, при этом должны были выдерживаться некоторые условия. Первое: часть прибыли от торговых операций отходила в казну. Второе: ежегодно капитан должен был гасить задолженность перед казной за постройку судна. При этом никаких процентов. Ему надлежало выплатить только стоимость судна. Третье: в случае войны судно рекрутировалось, довооружалось и входило в состав одного из флотов. Реквизировать для военных нужд купеческие корабли Петр категорически не хотел. Если только за плату и только в добровольном порядке. И без того желающих вести морскую торговлю не так уж и много, хотя как только он не бился с родным купечеством. И четвертое: попутное выполнение незначительных поручений.

Ну и где капитан мог найти такой заработок, чтобы иметь возможность расплатиться по долгам? Выбор в общем-то невелик. Наняться в британскую или французскую Ост-Индскую торговую компанию. Конечно, трюмы у корабля для его размерений не такие уж обширные и с большими ост-индскими кораблями не больно-то посоперничают. Однако заработок на этом направлении все одно изряден.

Оно вроде как компания платит только за перевозку товаров, но, с другой стороны, команде судна не возбраняется закупить и перевезти часть собственного товара. Немного, однако с учетом разницы в ценах неплохая прибавка к жалованью. К тому же, обладая хорошим ходом, можно было рискнуть на самостоятельное плавание. На таких больших расстояниях выигрыш очевиден, и плата за сжатые сроки поставок повыше. Да и пиратам сложно угнаться за столь быстрым судном. Только не стоит пытаться хитрить с компанией и вести самостоятельную торговлю. Дурная затея.

Второй вариант – Золотой берег. Здесь вполне можно вести дела и получить солидную прибыль, если придерживаться кое-каких правил. Ну и быть готовым дать по сопатке решившему нагреть на тебе руки. Или успеть ретироваться, если он оказался куда сильнее. А в роли нападающего мог оказаться кто угодно.

Чтобы быть успешным на африканском побережье, вовсе не обязательно заниматься работорговлей. Предприятие очень выгодное и при имеющейся практике пассажирских перевозок на судах Добровольческого флота обещает серьезные барыши. Тут ведь главное не забыть судно черным деревом под потолок, а обеспечить сохранность груза, то есть максимально снизить смертность. А у русских это неплохо получалось, и опять же немалым плюсом было меньшее время, затрачиваемое на пересечение океана.

Но государь не жалуется работорговлю. Так что остается только золотой песок и какие-нибудь африканские диковинки. А подобная торговля подразумевает долгую стоянку, порой в пару месяцев, пока к тебе стекаются местные, жаждущие приобрести твой товар. И это при практически полном отсутствии безопасных бухт. Так что приходится использовать русла рек.

А кто сказал, что разносящиеся вести достигают только ушей аборигенов и минуют уши морских разбойников? Да те же аборигены могут решить, что им вполне по силам взять белых на бордаж. И надо заметить, основания для подобной уверенности у них есть. Прецеденты имеются. Так что торговля в этих местах, как и любое выгодное предприятие в этом жестоком веке, дело весьма опасное.

Ну и третий способ – это колонии в Америке. Или если быть более точным, то так называемая Вест-Индия. Правда, выбор тут не столь уж велик. Английские владения еще доступны, а вот что касается голландских и французских, тут все гораздо сложнее ввиду существования их Вест-Индских компаний. Самая выгодная торговля с испанцами, готовыми платить за товары из метрополии звонкой монетой. Но испанские власти не допускают в свои владения никого другого, кроме своих купцов.

Нет, все не так безнадежно. Как и везде, здесь имеются особые правила игры, достаточно только придерживаться их. Где-то торговать открыто, где-то контрабандой. Кого-то подмазывать, с кем-то делиться или оказывать услуги. Ну и не забывать вертеть головой на триста шестьдесят градусов. В водах Карибского моря любой торговец в какой-то момент может оказаться пиратом.

Словом, с достойными заработками, которые бы позволили сравнительно быстро расчитаться за судно и стать его полноправным владельцем, дела обстоят не столь безнадежно. С другой стороны, предприятие это в любом случае опасное, тут и стихия, и морские разбойники, и военные, которые, прикрывая свой разбой, потом спишут все на какой-нибудь инцидент. Но это воспринимается в порядке вещей. Достойный заработок не всегда требует одного только мастерства, чаще его приходится подкреплять еще и различными рисками.

Тем не менее создание Добровольческого флота было воспринято русскими моряками с воодушевлением. Шутка сказать, за какие-то пять лет он разросся до сорока кораблей. И эта цифра неуклонно росла. Во всяком случае, Зарубин о погибших добровольческих кораблях пока ничего не слышал.

Сам Павел Иванович встал на мостик «Чайки», спущенной на воду на кронштадтской верфи пять лет назад. Это судно было одним из тех самых трех, ставших первыми в большой серии. За прошедшие годы, курсируя по маршруту Санкт-Петербург – Ямайка, Зарубин успел выплатить три четверти стоимости судна. Если в последующие пару лет ничего не изменится, он станет его полноправным владельцем. А ведь ему только сорок лет...

– Господин капитан, прошу разрешения заступить на вахту.

Подошедший лейтенант Добровольческого флота был лишь на год старше помощника, а потому разница не бросалась в глаза. Впрочем, разница практически не была заметна даже

с более старшим по возрасту капитаном. Обожженные южным солнцем, обветренные всеми ветрами, просоленные множеством морей и тремя океанами, все они выглядели сверстниками.

– Заступайте, – так же привычно, как и лейтенант, отдав воинское приветствие, разрешил капитан.

Угу. У всех у них, как и у двух третей матросов, за плечами служба в военно-морском флоте. Потому и порядок на корабле воинский. Впрочем, а как тут иначе-то, коли опасность чуть не на каждом шагу. И вообще, драться приходится куда чаще, чем военным морякам, потому как тех все же стараются обходить даже более сильные корабли иноземных держав. Не то что торговые суда, на которые не облизывается разве только ленивый.

– Ну что, Виктор Юрьевич, теперь можно и позавтракать, – потирая руки, предложил капитан.

– Я, пожалуй, кофейку, и покрепче. Проголодаться как-то не успел.

– Кофе? И как же вы собираетесь отдыхать после вахты? У вас же весь сон отобьет.

– Да какой тут отдых, когда такое творится, – безнадежно махнул рукой помощник.

– А вот это вы зря, Виктор Юрьевич. Когда еще мы сойдемся с этим неизвестным, а на тот момент вы мне нужны взбодрившимся и хотя бы малость отдохнувшим. И потом, кто его знает, может, это и не разбойник вовсе, а честный купец. Мы же, совершенно беспричинно, готовим ему горячий прием. Так что если и кофе, то только с коньяком. Причем после завтрака. И не спорьте.

– Есть.

Это «есть» тоже от императора. Бог весть чем он руководствовался, когда вводил в армии и на флоте подобный ответ на полученную команду. Удивляться его прихотям уже устали. Ну да, не ломает устоев, как его прославленный дед, и на том спасибо.

– Доброе утро, господа.

А вот и штурман подошел, отправив в свою каюту матроса с набором инструментов и карт. Сверку курса он совершает с завидным постоянством, несколько раз в сутки. Иначе никак. Даже в океане имеются течения, которые относят корабль от заданного курса. Опять же высокий и длинный борт сам по себе является неуправляемым парусом. И это также оказывает свое влияние на курс судна.

– Алексей Васильевич, возьмите на три градуса к югу, – обратился он к артиллерийскому офицеру, заступившему на вахту.

– Принял. Рулевой, три градуса к югу, – тут же отдал он команду.

– Есть три градуса к югу, – бодро ответил успевший заступить на вахту новый рулевой.

– Так держать.

– Есть так держать.

– Ну вот, Виктор Юрьевич, и Андрей Родионович меня поддерживает, отклоняя наш курс от курса неизвестного, – кивая в сторону штурмана и намекая на то, что времени до встречи может пройти предостаточно, произнес капитан, обращаясь к помощнику.

– Да уж, в данной ситуации лучше все же просто выполнить ваше распоряжение, – улыбувшись, согласился Васильев.

– Тогда вахтенным спокойной вахты, а вас, господа, прощу в кают-компанию.

На этот раз никто и не подумал спорить с капитаном. Тем более и время завтрака уже подошло. А неизвестный что... Он или уберется восвояси, либо приблизится, а тогда уж о нем и думать следует. Сомневаться ни в огневой мощи, ни в скорости судна, ни в выучке экипажа не приходилось. Время все расставит по своим местам.

В кают-компании было уже достаточнолюдно. А как же иначе, если здесь собрались все пассажиры благородного происхождения. Или люди достаточно состоятельные, чтобы приобрести себе право проезда с максимумом удобств. Кстати, здесь сейчас присутствовало двое неблагородного происхождения. Молодые люди, купеческие дети, возвращались в отчий дом

в Вест-Индии после обучения в английском университете и вполне могли позволить себе оплатить отдельную каюту.

Будь это судно какой иной державы, и этим парням за столом не нашлось бы места. Но на российском флоте относились к сословным различиям куда проще. Вспомнить хоть того же калмыка, в крещении Калмыкова Луку Александровича, при Петре Великом ставшего капитан-командором. А ведь был в услужении у дворянского недоросля. Так что, коль скоро находишься на российском корабле, будь добр, живи по его правилам.

– Господин капитан, у нас возможны проблемы?

В ожидании, когда наконец начнут подавать завтрак, благородное общество предпочитало вести беседы, разбившись на группки. Всего полтора десятка человек, но интересы у всех разные. К примеру, голландка, вдова, госпожа Агнес Йолинок предпочитала общество двух безродных студентов, буквально млевших от оказываемой им чести. Ну, всяк имеет право скрашивать путешествие по-своему, она подобрала себе сразу двоих крепких и молодых воздыхателей.

– Никаких проблем, господин Саут, – пожав плечами, возразил Зарубин.

– Но этот парус на горизонте. У меня превосходная труба, утро же было чистым и прозрачным. Так что я не мог его не заметить, – продолжал настаивать англичанин средних лет и, судя по тому, как он все время держался, не лишенный снобизма.

– Уверен, что заметили его не вы один, – обведя взглядом всех присутствующих, с улыбкой произнес капитан. – Но разве появление паруса – это обязательно предзнаменование неприятностей?

Народ потянулся к собеседникам. Что и говорить, тема пиратов была интересна всем. За время плавания было рассказано уже столько страшилок, что вот эта весть и впрямь всех взбудоражила. За то время, что они отделились от берегов Европы, это был первый корабль, повстречавшийся им на пути. А уже к вечеру их судно должно было войти в карибские воды, которые, как известно, прямо-таки кишат пиратами. Поэтому в то, что неизвестный корабль не сулит ничего хорошего, пожалуй, верили все.

– Возможно, это судно и не несет неприятностей. Но к чему вы велели убавить паруса? По-моему, принимая на борт пассажиров, вы взяли на себя обязательства по обеспечению их безопасности, – продолжал гнуть свое господин Саут. – Несомненно, океан таит в себе множество опасностей, и всем им не в состоянии противостоять ни один человек. Но к чему усугублять ситуацию? Я не моряк, но даже я понимаю, что, убавив паруса, вы уменьшили ход чуть ли не на треть. Иными словами, увеличили вероятность опасности, если таковая исходит от неизвестного.

Все так. На кораблях Добровольческого флота были в значительной степени улучшены условия проживания команды и пассажиров. Опердек, то есть батарейная палуба, разделенная на кубрики, превратилась в жилую и прибавила в высоте потолка.

Учитывая размеры корабля и количество нижних чинов в тридцать восемь человек, свободного пространства там оказалось слишком уж много. Вот и устроили места для пассажиров. В крайнем случае пассажирские кубрики можно было использовать для размещения грузов. Но, признаться, на «Чайке» еще не случалось такого, чтобы места оставались свободными. Причем даже когда она следовала в обратном направлении.

Пассажиры поднимались на борт в европейских портах, в которые с этой целью заходила «Чайка». Это увеличивало время перехода до полутора месяцев, но в общем и целом оно того стоило. Даже при цене проезда от десяти до двадцати рублей на одной только перевозке пассажиров капитан зарабатывал порядка тысячи рублей. Совсем не малая сумма, учитывая, что чистый заработок с одного рейса в оба конца составлял порядка десяти тысяч.

Вести об удобстве размещения на добровольческих судах распространились довольно быстро, поэтому путешественники стали подгадывать так, чтобы оказаться на их борту.

Правда, причина была все же не столько в удобствах, сколько в дешевизне и относительно небольшом времени, затрачиваемом на переход...

– Господа, я прошу всех успокоиться. А вас, господин Саут, не нагнетать обстановку, – не выказывая и тени беспокойства, призвал капитан. – Ничего страшного не происходит. Да, на горизонте появился неизвестный корабль. Да, расстояние между нами сокращается. Но тут нет никакой опасности. Если это пират, у нас достанет сил, чтобы укротить его пыл. Если честный торговец, то нам нечего опасаться. Ход же мы уменьшили только для того, чтобы уточнить принадлежность этого судна. Если за нами следует пират, то лучше это выяснить до того, как стемнеет и он получит преимущество для ночного абордажа.

– И вы считаете, что у вас достанет сил, чтобы отбить нападение пиратов? Насколько я заметил, у вас около четырех десятков матросов, пиратские же команды весьма многочисленны.

– Не волнуйтесь на этот счет, господа. У нас на борту достаточно пушек, чтобы дать укорот весьма серьезному противнику. Например, фрегату.

– То есть у вас хорошие пушки? – вовсе без кокетства, а даже обеспокоенно поинтересовалась госпожа Йолинка.

– Уверяю вас, они хороши.

– А можно поточнее? – вновь подал голос английский джентльмен.

– Извольте, – безнадежно вздохнув, начал капитан. – На борту находится десять стомиллиметровых орудий, заряжаемых с казны бомбами цилиндрической формы. Подобный снаряд почти вдвое превышает по весу схожее по диаметру ядро, а потому обладает большей пробивной способностью и разрушительной силой. Но кроме этого он несет заряд пороха, превышающий таковой в обычной круглой бомбе втрое. Таким образом, попадание этого снаряда можно вполне соотнести с двадцатичетырехфунтовым ядром. Могу также смело утверждать, что точность стрельбы из наших пушек втрое превышает таковую у обычных пушек. Так что, господа, не нужно себя накручивать, и прошу к столу.

Надо заметить, слова капитана, а главное, то, как уверенно он держался, успокоили пассажиров. Правда, всеми овладело безудержное желание взглянуть на эти чудо-пушки русских. Они конечно же видели их и раньше, но только не в действии. Что же, если Зарубин окажется прав, то им вскоре представится такая возможность.

В использовании казнозарядных пушек не было ничего необычного. Подобные орудия известны как минимум на протяжении двухсот лет и изготавливались в самых различных вариациях. Были даже образцы, в которых предусматривалась замена уже готовых зарядных камер. Но все эти попытки были неудачными, так как не могли решить одну из главных проблем – прорыв пороховых газов.

При производстве выстрела часть газов и без того уходила через затравочное отверстие. Неплотное же закрытие затвора в значительной мере усугубляло это, в результате чего впусную растрчивалось давление, и, как следствие, падала скорость ядра, со всеми вытекающими. Так что до сих пор дульнозарядные орудия в значительной степени выигрывали у казнозарядных.

Однако русским инженерам удалось создать станки и инструменты, способные обеспечить достаточно точную выделку деталей. Кроме того, русские оружейники придумали довольно оригинальную конструкцию поршневого затвора. Были опыты по использованию клинового, на основе крепостной пищали, эдакой мини-пушки, которые изготавливались еще сотню лет назад. Но вскоре от этого пришлось отказаться, так как добиться полной obturation не получалось. А вот с поршневым вышло. К тому же он оказался куда легче и компактнее. Нет, не сразу и не так просто удалось добиться успеха, но тем не менее результат налицо.

Еще одна особенность. Орудия эти были не бронзовыми и не чугунными, а стальными. Покойный Акинфий Никитич Демидов успел заложить в Екатеринбурге металлургический

университет, ставший еще одним памятником этому поистине великому человеку. Так вот, тамошние металлурги сумели найти способ получения стали хорошего качества и в больших количествах. Причем поиск методов улучшения качества стали, поощряемый государем, продолжался непрерывно.

В свою очередь Нартов разработал способ сверления канала ствола в сплошной стальной заготовке. Вернее, он усовершенствовал способ итальянского инженера Марица. Андрей Константинович впервые применил этот метод для изготовления ружейных стволов. С орудийными пришлось куда сложнее. Однако инженер со своими помощниками уже в который раз справился с заданием императора.

Более того, они пошли дальше и разработали поршневой затвор, обеспечивающий полное закрытие ствола. Ничего сверхсекретного. Рассмотреть конструкцию орудий было несложно, на тех же кораблях Добровольческого флота, на борту которых всегда хватало посторонних. Кстати, при желании и за малое вознаграждение канониры могли рассказать о своих пушках и даже показать все в деталях. Но одно дело – знать, как устроено орудие, и совсем другое – изготовить нечто подобное.

На сегодняшний день только русским удалось наладить массовое производство нарезных штуцеров, которые они называют винтовками. И возможным это стало благодаря новым оружейным заводам, оборудованным новейшими станками. Причем предприятия эти строго охраняются от посторонних глаз. Потому что основной секрет русских оружейников не столько в самом изделии, сколько в станках, благодаря которым это изделие возможно получить. Вот и с пушками та же история.

Кстати, как бы странно это ни звучало, но корабли Добровольческого флота обеспечивались новыми орудиями в первую очередь. Если к спуску были готовы два судна, военный фрегат и клипер, то второй получал приоритет в снабжении артиллерией. Флот в основной массе своей пока получал старые дульнозарядные орудия, снимаемые со старых кораблей. Причем стволы крупных калибров шли только в переплавку.

Максимальный калибр русской морской артиллерии сократился до ста двадцати миллиметров. Использовать более крупные орудия можно было только на нижних палубах, от чего русские отходили. Кстати, это была еще одна из причин отрицательного отношения к новым русским кораблям со стороны военных моряков европейских держав.

Словом, пояснения капитана и, главное, то, как он держался, вселили в пассажиров достаточно уверенности, чтобы завтрак прошел в теплой обстановке. Госпожа Йолинок, успокоившись окончательно, начала всю флиртовать со своими воздыхателями. Правда, едва встав из-за стола, она тут же устремилась на палубу в поисках какого-нибудь свободного матроса, дабы тот подробно рассказал о пушках и показал, так сказать, все наглядно...

– Ну, что скажете, господа? – Капитан, уже в который раз сегодня, обвел взглядом своих офицеров.

– А что тут говорить. Пиратская бригантина, причем ладно скроенная. Узлов пятнадцать дает, никак не меньше. Даже если бы мы не убавляли паруса, все одно догнали бы нас, – по заведенной флотской традиции первым, как младший по званию, высказался штурман.

– Догнала бы, но только к вечеру. А так хорошо получилось. Впереди еще часов восемь светового дня, – заметил артиллерийский офицер. – И похоже, эти шельмы даже не думают дожидаться вечера, прямо не терпят взять нас на abordаж. Я согласен с Андреем Родионовичем, это пираты.

– Поддерживаю, это пираты. Да и в трубу прекрасно видно, что идет подготовка к бою. Признаюсь, господа, у меня уже чешутся руки дать им так, чтобы зубы в разные стороны, – даже потер кулак помощник капитана.

– Что же, вынужден с вами согласиться. Я также усматриваю в преследующей нас бригантине пирата. Значит, готовимся к бою, – подытожил Зарубин и начал раздавать команды: –

Виктор Юрьевич, изготовить корабль к бою. Алексей Васильевич, озаботьтесь боекомплектом, по десять выстрелов на орудие. И дополнительно поднимите два десятка зажигательных снарядов.

– Стоит ли, Павел Иванович? – усомнился артиллерист. – Пушечки на пирате медью блестят, а их там около дюжины, минимум двести пудов, да по шестнадцать рублей за пуд. И это только в меди, сами пушки выйдут и того дороже. Мы конечно же не разбойники, но стоит ли отказываться от своего.

В ответ на это Зарубин невольно улыбнулся. В подзорную трубу он видел, что пиратов никак не меньше полутора сотен. Однако Ларин даже не сомневается в силах экипажа «Чайки». Как, впрочем, и остальные, если судить по выжидательному выражению на их лицах.

– Господа, не хотел бы вас разочаровывать, но мы не простые торговцы, заботящиеся только о своей прибыли. Согласно повелению государя, нам надлежит вложить в голову иноземных моряков и морских разбойников в том числе мысль о том, что корабль с триколором лучше не трогать. Кроме того, первоочередное обеспечение новой артиллерией и пополнение боекомплекта за казенный счет Добровольческому флоту определено за всесторонние испытания нового вооружения. К коим относятся и зажигательные снаряды. Не мне вам объяснять, что настоящее испытание оружие и корабль проходят в настоящем бою. Поэтому сейчас нам надлежит в первую голову думать об этом, а не о личной выгоде. За последние два года это первый наш пират, господа. Ничего не поделаешь. Вопросы по боекомплекту еще есть?

– Никак нет.

– Превосходно. Ну а вы, Андрей Родионович, загоните-ка всех гражданских по каютам и кубрикам, – продолжил раздавать команды капитан, обращаясь к штурману. – Если им так хочется, то пусть наблюдают за происходящим из окон кают. Но только ни в коем случае не кают-компаний, там будет развернут лазарет. Кстати, что-то я не вижу нашего доктора.

– Он уже в кают-компаний. Готовится к приему возможных раненых, – ответил помощник.

– Это никуда не годится, Виктор Юрьевич. Я понимаю, молодой человек только после медицинской академии, но все же он должен отдавать себе отчет, что вплоть до истечения срока договора он является мичманом Добровольческого флота.

– Прошу прощения, Павел Иванович, это мое упущение. Я обязательно проведу разъяснительную беседу, – повинулся помощник.

– Уж будьте добры. Итак, господа, за дело.

Ответом капитану было дружное «Есть!», и офицеры разошлись выполнять его распоряжения. Практически сразу же над палубой разнеслась трель боцманской дудки и забил тревогу судовой колокол, за которым уже укоренилось название «рында». Забегали матросы согласно боевому расписанию. Ларин на ходу раздавал приказы своим канонирам, их в команде пять человек.

Еще одна отличительная черта русской армии и флота – специальная подготовка артиллеристов, причем пороха на это дело не жалели. На кораблях же даже ведущих морских держав до сих пор случалось иметь на весь корабль только одного канонира. Разумеется, далеко не везде. Но даже в самых современных флотах на одного подготовленного канонира приходилось по нескольку орудий. Так что ни о какой по-настоящему прицельной стрельбе говорить не приходилось.

Впрочем, в ней и особой необходимости не было. В современном морском бою корабли сходились вплотную, после чего палили друг в друга буквально в упор. А при таких раскладах чего целиться. Убедись, что пушка смотрит в открытый порт, да и пали с чистым сердцем. Если же стрельба на дальних дистанциях, то тут уж стреляли только отдельные орудия, и в этом случае канониров было вполне достаточно...

Тем временем пират начал заходить с кормы. Не иначе как решил отнять у преследуемого ветер, тем самым лишив его маневренности. Надо заметить, это вовсе не было лишено смысла. Даже несмотря на то, что преследователь уступал как в размерах собственно судна, так и в площади парусов, действия разбойника скорее всего принесут свои плоды. Разумеется, если преследуемый позволит ему подойти на достаточно близкое расстояние.

Современный морской бой вообще во многом походил на игру в шахматы или даже на своеобразный танец. Каждый маневр, каждое движение должны были быть выверенными и продуманными. В противном случае соперник вас переиграет, а ставка здесь зачастую сама жизнь.

При сближении кораблей важно все, и не в последнюю очередь то, как именно подойти к противнику. Потому что удачно занятая позиция может поставить в невыгодное положение даже более сильного противника, обладающего пушками крупного калибра. Прецеденты известны.

К примеру, небольшое суденышко может зайти под углом. При этом оно будет способно дать полновесный бортовой залп по борту противника, расположенному под углом и все еще представляющему обширную цель. В то время как противник не сможет использовать ни одного орудия ввиду конструкции пушечных лафетов и портов, в значительной мере уменьшающих горизонтальный сектор стрельбы. Так что, чтобы прицелиться, нужно разворачивать весь корабль. К этому времени более мелкий противник может успеть отвернуть, подставив корму, тем самым уменьшая вероятность попадания.

История знала случаи, когда маленькие и юркие суда буквально издевались над куда более крупными противниками, заставляя их отказаться от боя, да еще и понести при этом существенные потери. Тут все зависит от погодных условий, мастерства командира и команды. Ну и от крепости духа, куда же без этого. Трудно сохранять самообладание, когда на тебя надвигается громада, в несколько раз превышающая твой кораблик...

На носу бригантины вспухло облачко. Звук выстрела и шуршание летящего ядра послышались практически одновременно. Чугунный шар с громким всплеском упал несколько в стороне и не долетев до кормы.

– А канонир-то у них ничего. Как считаешь, Семеныч? – оглаживая усы, оценил выстрел Ларин, находившийся в этот момент у кормового плутонга.

– Для их пушек и впрямь стреляет недурственно, – со спокойным достоинством ответил комендор первого орудия.

– А может, все же покажем им, как нужно стрелять? – словно подначивая артиллеристов, задорно произнес офицер.

– Так командуйте, ваше благородие, – ответил комендор второго орудия, помоложе Семеныча, эдак лет сорока от роду, только год как в отставку вышел.

Ларин оглянулся на капитана, поднявшегося на ют, чтобы видеть пирата, подбирающегося с кормы. Оно конечно, можно и отвернуть, но стоит ли усложнять жизнь пиратам и в первую очередь себе. И потом, даже если отвернут и встанут бортом, то смогут задействовать три орудия вместо двух. При скорострельности этих пушек разница ощутима, но ведь для этой бригантины и двух орудий за глаза.

– Думаю, теперь ни у кого нет сомнений в намерениях этого судна. Открывайте огонь, Алексей Васильевич, – ответил капитан на невысказанный вопрос артиллерийского офицера.

– Есть, Павел Иванович. Внимание, первое орудие, осколочно-фугасным, второе зажигательным, заряжай.

Зажигательные снаряды – новинка, которая проходит испытания, и их не так чтобы и много. При наличии в кюйт-камере тысячи осколочно-фугасных снарядов, пяти сотен книппелей и пятисот картечных зарядов зажигательных только сотня. Не сказать, что это великая новинка. Зажигательные снаряды используются уже давно и флотами всех стран. Разве только

именно эти, начиненные греческим огнем и имеющие отличительную конструкцию, на испытаниях показали куда более впечатляющие результаты.

Подносчики тут же склонились над снарядами ящиками, в которых находилось по пять готовых снарядов. Остается только вернуть соответствующий запал. Если бы последовала команда «осколочным заряжай», то это была бы трубка с пороховой мякотью. В комплекте ящика их несколько, и длина трубки уточнялась дополнительно. Но в данном случае вкручивался запал ударного действия. При ударе стержень с насечкой высекал искру из кремня и воспламенял заряд пороха. Происходило это не мгновенно, поэтому снаряд успевал проникнуть за бортовую обшивку.

Одновременно с этим клацнул открываемый затвор, готовый принять в себя подготовленный заряд. Наконец чугунная чушка оказалась в стволе. Картуз из тонкой парусины прижали обратным концом банника, чтобы он не попал в резьбу зацепления поршня. Опять сытое «клац», когда затвор встал на место, теперь провернуть на девяносто градусов ручку затвора, не забыв ее застопорить. Ствол надежно заперт. Дальше – через запальное отверстие с помощью пробойника сделать отверстие в картузе. Вставить в отверстие запальную трубку. Подсыпать в углубление из рога порох, закрыть его кресалом и взвести орудийный курок. Вот и все, пушка к стрельбе готова, остается только дернуть за шнур. Все это происходит в считанные секунды.

– Прицел четыре.

Дистанция порядка двух кабельтовых. Но каждое деление прицелов под сотню метров, как и на сухопутных орудиях. Да еще половина делений есть, чтобы бить точнее. В кабельтовых уж больно разнос большой.

– Целиться под обрез фок-мачты, – наблюдая за действиями расчетов, командовал Ларин.

– Есть прицел четыре, целиться под обрез фок-мачты, – отозвались прицелам и начавшие вращать винты наводки комендоры.

После того как количество артиллерии на кораблях резко сократилось, экипаж стал подразделяться на три четкие группы. Матросы, в обязанности которых входила работа с парусами. Морская пехота, задача которой сводилась к обстрелу противника из винтовок, лихим абордажам и десантам. И артиллеристы, то есть канониры, командиры же орудийных расчетов теперь назывались комендорами.

Ничего удивительного, что эти порядки переключались на корабли Добровольческого флота. Во всяком случае, в отношении командиров орудийных расчетов, потому что строгой градации по специальностям тут не имелось. Нужно стрелять – ты комендор. Нужно ставить паруса – побежал по реям. Ну а если дело до аврала дошло, то тут уж и говорить не о чем.

– Первое орудие, пали!

Семеныч оторвался от прицела и, отойдя в сторону, дернул за шнур. Удар курка, искра, легкий дымок от воспламенившейся подсыпки, недолгое, секунда-две, шипение запальной трубки. И орудие сердито рявкнуло, откатившись назад, а затем мягко накатившись обратно по наклонной раме.

Наблюдающий в трубу за результатами стрельбы капитан без труда различил попадание в носовую часть. Бригантина не линейный корабль, в толстых бортах которого вязнут ядра, так что и не всегда определишь, попал ли снаряд или прошел мимо. Тут сразу видно, когда чугунная чушка проламывает толстую доску, разбрасывая при этом щепу и оставляя небольшую пробоину.

Казалось бы, мелочь. Но тем и страшен русский снаряд, что не такая уж это и мелочь. Проникнув за обшивку как обычное ядро, он не останавливается на достигнутом. После этого в дело вступает его начинка из пороха и чугунных картечин. Взрыв сам по себе несет допол-

нительные разрушения, разлетающиеся осколки выкашивают все живое, оказавшееся поблизости, а ведь еще может начаться и пожар.

В подтверждение изложенного из пробоины появился белый дымок, говорящий о произошедшем внутри взрыве. Порой запал не срабатывал, превращая снаряд в обычную болванку. Но на этот раз все было как надо. О чем красноречиво и говорил дым.

– Точно в правую скулу. Отличная работа, Алексей Васильевич, – не остался равнодушным капитан.

– Благодарю, Павел Иванович. Второе орудие, пали!

И этот снаряд не пропал даром, разве только угодил в левую скулу, с такой же легкостью проломив бортовую доску. Впрочем, чему тут удивляться. На русских заводах и фабриках уже двадцать лет как строжайше спрашивают за выпускаемую продукцию. А уж как требуют с оружейников, и вовсе лучше не вспоминать. Поэтому в точность этого выстрела было вложено больше сотни часов неустанного труда оружейников, инженеров и новаторов. Бочки слитого на учениях пота и килограммы вдыхаемой пороховой гари самих комендоров. Ну и немало важно конечно же отсутствие существенного волнения в океане.

– Зажигательными, заряжай, – с сомнением глядя в подозрную трубу на оставленную много выше ватерлинии пробоину, скомандовал Ларин.

Вокруг орудий вновь суета. Открыть затвор, пробанить ствол, чтобы ни единой искорки. Бывали случаи, когда нерадивые канониры толкали в непробаненный ствол очередной заряд, и нередко подобное заканчивалось трагически. Только после обработки мокрым банником закладывается новый снаряд.

Из-за этих манипуляций скорострельность морских пушек немногим выше, чем у дульнозарядных полевых. Да и то скорострельность морской пушки выше только от того, что орудие само накатывается на борт, по наклонной раме. Пехотным же артиллеристам приходится накатывать свои орудия на огневую позицию вручную.

Но тем не менее зарядание с казны для корабля несомненный плюс, увеличивший скорострельность в разы. Таким же плюсом являются и новые лафеты, позволяющие производить наводку орудия в секторе в тридцать градусов. Поворот орудийной наклонной рамы дает еще шестьдесят градусов. В итоге девяносто градусов – по сорок пять влево и вправо. Что и говорить, русские корабли могли сильно удивить того, кто решит поиграть с ними по старинке.

Правда, справедливости ради нужно заметить, что при этом корабельная артиллерия существенно потеряла в калибре. Конечно, это компенсировалось за счет отказа от ядер и замены их на разрывные снаряды. Но, с одной стороны, примерно четверть из них не взрывалась. С другой – чтобы снаряд доставил существенные неприятности, он должен был попасть за бортовую обшивку или хотя бы на палубу. В бою же с линейными кораблями снаряды просто вязли в бортах, а силы разрывного заряда далеко не всегда хватало для того, чтобы разрушить дерево почти в метр толщиной.

Орудия выпустили все пять зажигательных снарядов, находившихся в приготовленном ящике. Три из них безошибочно нашли свою цель. Вот только решительно непонятно, каков эффект у этого обстрела. В довольно мощную подозрную трубу капитан наблюдал на палубе пиратской бригантины нездоровую суету. Но вот с чем ее связать, пока не знал.

Любое попадание, даже обычного ядра, редко когда бывает рядовым событием и непременно вызовет реакцию. Тут же сравнительно небольшой кораблик получил сразу четыре. И даже если сработал только один, осколочно-фугасный, все равно этого не так чтобы и мало.

– Что-то ничего не происходит, – опуская трубу и оборачиваясь к капитану, подытожил Ларин. – Павел Иванович, разрешите добавить фугасами. Ну или, на худой конец, еще разок пройтись зажигалками.

– Обождите, Алексей Васильевич. Его превосходительство генерал-майор Пригожин клятвенно меня заверял, что его снаряды дают осечек не больше, чем обычные оско-

лочно-фугасные. Следуя этой логике, минимум два снаряда должны были разорваться. А этот греческий огонь – премерзостная штука, доложу я вам.

– А если пираты сообразили, как именно нужно тушить возгорание? Ведь не впервые мы используем греческий огонь на море.

– Не впервые, но и не так чтобы часто и повсеместно. После шведского инцидента европейские державы вообще вздыбились, настаивая на договоре о неприменении на флотах зажигательных снарядов. И потом, это ведь пираты, а не моряки регулярного флота.

– Так что делать-то будем, Павел Иванович? До них уже меньше двух кабельтовых.

– Но при этом они выстрелили только однажды. Подождем еще немного. В конце концов, вы ведь не сомневаетесь, что сделаете из них решето в два счета. С такими-то орлами.

– Не сомневаюсь.

– Вот и ладно. Кстати, можете закурить, коль скоро вам хочется себя чем-то занять, – предложил капитан.

При этом он повел вокруг рукой, недвусмысленно намекая на то, что они находятся в одном из трех мест, где было разрешено курение. Вторым была кают-компания. Для курения матросов было отведено место на носу судна.

– Дымит, ваше благородие! – едва не привстав на цыпочки и вытянув руку в сторону пиратского корабля, выкрикнул один из канониров.

Ларин вскинул трубу. Кой черт дымит. Да там уже наружу прорываются языки пламени. Бригантина начала отворачивать в сторону. Как видно, организованная встреча им явно не понравилась, и они спешили ретироваться. Ага. Как бы не так. Кто же вас так просто отпустит, глупенькие.

– Внимание! Приготовиться к развороту!..

Однако все последующие команды так и не успели слететь с уст капитана. Нет, он не поперхнулся и не превратился в соляной столп. Просто необходимость в командах отпала. Дело в том, что разворот бригантины вовсе не был управляемым, в чем он мог убедиться, вновь взглянув на палубу пирата через подозрительную трубу. Штурвал был предоставлен самому себе, корабль же продолжал разворот, закладывая опасный крен.

Команда пыталась спустить на воду шлюпки, что при таком крене было просто нереально. Да и не хватит шлюпок на всех. Кто-то это уже осознал и в отчаянии бросился за борт, схватив первую попавшуюся под руки доску. Сквозь решетку грузового люка наружу начали вырываться языки пламени. Если Павел Иванович что-то понимал в устройстве корабля, а он понимал, пламя уже подбирается к крьюйт-камере.

Вот один из членов команды что-то сообразил и, подбежав к штурвалу, начал усиленно его вращать. Не безрезультатно, надо заметить. Конечно, лучше бы убавить парусов, но на мачты сейчас точно никого не загнать. Вот бригантина более или менее выровнялась. Человек у штурвала что-то кричит суесящимся возле баркаса и показывает рукой себе за спину, явно намекая на небольшой ял, висящий на шлюпбалках.

Верное решение, с этим суденышком получится управиться куда быстрее, чем с громоздким баркасом. Впрочем, выровнявшаяся под ногами палуба заставила все еще оставшихся на борту корабля людей взглянуть вокруг более трезвыми глазами. Осаждавшие баркас переключились на ял, в свою очередь те, кто до этого собирался выпрыгнуть за борт, бросились к оставленному в покое баркасу. Однако народу на борту все еще оставалось куда больше, чем средств спасения, и, несмотря на все усиливающийся пожар, между членами команды началась борьба за плавсредства.

Скорее всего, наблюдатели с «Чайки» стали бы свидетелями того, как на борту бригантины развернулась самая настоящая поножовщина. Все шло именно к этому. Переизбыток численности команды и недостаток спасательных средств неплохой катализатор для возникновения резни. Но жирную точку поставила крьюйт-камера, до которой все же добрался огонь.

Корпус бригантины словно вспух изнутри и в одно мгновение окутался непроницаемым густым белым облаком. Взрыв был такой силы, что под ногами содрогнулась палуба «Чайки». Выглядывавшие из облака мачты бригантины вздрогнули, приподнялись, а затем вертикально ушли вниз, скрывшись в клубах молочного дыма.

– Ура-а-а-а!!!

Ну что же, команде «Чайки» было от чего ликовать.

Неподалеку от борта в воду посыпались останки пиратского корабля. Плавающие или тлеющие головни среди них были вовсе не редкостью, поэтому капитан поспешил отдать приказ осмотреть все на предмет горячего привета от погибшего судна. Не хватало еще пожара.

– Павел Иванович, прикажете спустить шлюпки для спасения выживших? – кивнув за борт, поинтересовался подошедший помощник.

– Охраняй потом еще эту сволочь. К чему нам эти хлопоты. Пожалуй, отпустим их с миром. Господь сам решит, кто из них еще не безнадежен и кому следует продлить земной век.

– Кхм. Вообще-то это верная смерть, – дернув себя за нос, возразил Васильев.

– Осуждаете?

– Из-за кого? Из-за этой мрази? Да не боже ж мой.

– Тогда не понимаю.

– Так ведь просто все. Вы же сами говорили, что одна из основных наших задач – это внушение уважения к триколору. Но ведь кто-то должен рассказать о произошедшем, да так, чтобы дошло всем до печенок.

– Согласен. Но только не вижу причины ради этого вытаскивать из воды негодяев и тащить их на виселицу. У нас сотня свидетелей, которые наблюдают за всем этим и разнесут весть по десяткам направлений.

Все именно так. Сам бой наблюдало не более полутора десятков пассажиров из числа благородных, оккупировавших окна кормовых кают. Но зато взглянуть на результат высыпали уже и обитатели кубриков «Чайки». Поди удержи взаперти того, кого так и распирает от любопытства. Так что рассказы о коварных русских, способных уничтожить нападающих всего лишь несколькими выстрелами, обеспечены.

Об этом будут говорить в шумных тавернах, опрокидывая в себя кружку пива, эля или рома. Об этом вспомнят уютным тихим вечером на какой-нибудь отдаленной плантации или ферме. Об этом посудачат кумушки теплым вечером, когда наконец спадет дневная жара, а домашние заботы останутся в прошлом. И с каждым рассказом это событие будет обрастать все новыми и новыми подробностями, подчас леденящими душу.

– Господин капитан, а я все же поднял бы на борт пару-тройку негодяев, – задумчиво произнес артиллерист.

– Причина? – обернувшись к Ларину, поинтересовался капитан, уверенный в том, что уже поставил в этом деле точку.

– Зажигательные снаряды, Павел Иванович, – пожав плечами, объяснил офицер. – Коль скоро мы принимаем участие в их испытаниях, то нам следует знать, какой именно они произвели эффект. Ведь вы сами говорили, учение это одно, а боевая практика другое. Думаю, сведения из опросных листов пиратов будут полезны генерал-майору Пригожину.

– Ч-черт. Вы правы. Ладно, Виктор Юрьевич, прикажите лечь в дрейф и выловить спасшихся. Их вроде не так чтобы и много.

– Есть, – бросив руку к козырьку, коротко ответил помощник и начал раздавать команды.

Глава 2

Един в двух лицах

Н-да-а. Круто у них там все завертелось. Европа словно взбесилась. Все же прав оказался Иван, шурин ненаглядный, а по совместительству глава КГБ. Или все же наоборот? Да какая, собственно говоря, разница. Главное, что его прогнозы сбывались с поразительной точностью. И кстати, далеко не в первый раз. Покойному Андрею Ивановичу Ушакову и не снилось, до чего изменилась его канцелярия за последние восемь лет, под руководством молодого и энергичного Туманова. Ну, относительно молодого, разумеется. Все же сорок четыре уже. Хотя, конечно, мужчина в самом расцвете сил и умудренный жизненным опытом.

Уходила старая гвардия. И это несмотря на все старания Петра сберечь проверенные временем кадры. Ягужинский, Трубецкой, Левашов и многие другие птенцы гнезда еще Петра Великого покидали этот мир один за другим. На смену им приходили иные, подчас те, о ком раньше и слыхом никто не слыхивал. Такие, как, например, генерал-майор от артиллерии Пригожин, генерал-майор от пехоты Румянцев, профессор Ломоносов.

Последнего Нартов прочит на свое место, уже сегодня нагружая его обязанностями и ответственностью за свое детище Саглино. Правда, характеры у обоих не подарок, и случаются меж ними серьезные размолвки. Хорошо хоть это пока не выливается в откровенную вражду. А так... В споре рождается истина, и это ничем не опровергнуть.

Остерман Андрей Иванович в свои шестьдесят два тоже совсем уж плох и отошел от дел. Петр время от времени посещает его, дабы посоветоваться, потому как ум у старика все еще остер и желание послужить России так и не растратилось. Вот только здоровье не позволяет.

Иван Лаврентьевич Блюментрост дожил до глубокой старости, но не отказывает молодым в помощи добрым советом. Правда, и его силы уже давно не те. А ведь сколько успел сделать для развития медицины. Спору нет, во многом он прислушался к советам императора. Но ведь прислушался, а не отмахнулся от высказываний человека несведущего в медицине. Мытье медиками рук, обработка ран растворами на основе трав, научный подход к использованию опыта деревенских знахарок и травниц – вот то немногое, что успел насоветовать Петр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.